

УДК 316.35

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ТРУДОВЫХ
МИГРАНТОВ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ

Володкина А.С. – студент, Юридический институт, СФУ

Volodkina.sasha06@gmail.com

Чащина А.А. – научный руководитель, кандидат философских наук,
доцент кафедры теории и методики социальной работы, Сибирский

Федеральный университет Chashchina05@mail.ru

Аннотация: В статье представлены результаты эмпирического исследования, связанного с социальной адаптацией мигрантов. Выявлены ключевые барьеры социальной адаптации трудовых мигрантов: бюрократические затруднения, дискриминация при трудоустройстве, дефицит жилья, недостаток правовых знаний и слабое владение русским языком. Сформулированы рекомендации по совершенствованию региональной миграционной политики.

Ключевые слова: трудовая миграция, социальная адаптация, бюрократические барьеры, дискриминация, языковой барьер, Красноярский край.

FEATURES OF SOCIAL ADAPTATION OF LABOR MIGRANTS IN THE
KRASNOYARSK REGION

Volodkina A.S. – student, Law Institute, Siberian Federal University,

Volodkina.sasha06@gmail.com

Chashchina A.A. – Scientific supervisor, Candidate of Philosophy,
Associate Professor at the Department of Theory and Methods of Social Work,

Siberian Federal University Chashchina05@mail.ru

Abstract: The article presents the results of an empirical study. The key barriers to social adaptation of labor migrants are identified: bureaucratic difficulties,

discrimination in employment, housing shortage, lack of legal knowledge and poor Russian language proficiency. Recommendations for improving regional migration policy are formulated.

Keywords: labor migration, social adaptation, bureaucratic barriers, discrimination, language barrier, Krasnoyarsk region.

Трудовая иммиграция является неотъемлемой характеристикой современного российского общества. По данным Главного управления по вопросам миграции МВД России, за 2020 г. в страну въехало с целью трудоустройства 2 358 827 иностранных граждан, причём основную долю составляют лица в возрасте 18–30 лет [5, с. 3]. Красноярский край, как один из крупных промышленных и транспортных центров Сибири, традиционно привлекает значительное количество трудовых мигрантов из стран ближнего зарубежья. В 2019 г. наибольший миграционный прирост в регионе был зафиксирован среди иммигрантов в возрасте 20–34 лет, что подтверждает его высокую привлекательность для молодых экономически активных переселенцев. Однако процесс адаптации мигрантов к новым социально-экономическим и правовым условиям часто сопровождается серьёзными трудностями, которые могут приводить к маргинализации, этнической сегрегации и росту социальной напряжённости. Как отмечает В.В. Константинов, «одной из главных причин неофициального трудоустройства молодых трудовых иммигрантов является нежелание работодателя оформлять занятость официально» [1, с. 112]. Это, в свою очередь, лишает мигрантов социальных гарантий и препятствует их полноценной интеграции в принимающее сообщество. В связи с этим изучение специфики адаптационных процессов на региональном уровне приобретает не только научное, но и практическое значение.

Актуальность темы обусловлена также демографической ситуацией в Красноярском крае. По данным Росстата, в регионе наблюдается естественная убыль населения, и трудовая миграция становится важнейшим источником восполнения трудовых ресурсов [5, с. 3]. Однако, как показывает исследование

Н.М. Эль-Сибай, миграционная политика России до сих пор ориентирована преимущественно на количественные показатели, тогда как качественные аспекты адаптации остаются недостаточно проработанными [4, с. 146]. Это противоречие определяет необходимость более глубокого анализа факторов, влияющих на успешность интеграции мигрантов на региональном уровне.

Исследование проводилось в период с июля по август 2024 г. на базе службы по вопросам миграции. Выбор данной площадки обусловлен тем, что именно в территориальные органы МВД обращаются иностранные граждане, прибывающие на территорию Российской Федерации в целях трудоустройства, за оформлением разрешительных документов. Согласно Положению о Главном управлении по вопросам миграции МВД РФ, служба осуществляет анализ состояния миграционной обстановки, выдаёт разрешения на работу и патенты иностранным гражданам, проводит миграционный учёт и контроль [4, с. 37]. Таким образом, деятельность УВМ ОП представляет собой ключевое звено в системе взаимодействия государства и трудовых мигрантов на региональном уровне.

Объектом исследования выступили трудовые мигранты, обращавшиеся в УВМ за оформлением разрешительных документов. Предметом исследования стали социально-демографические характеристики мигрантов, их трудовая занятость, уровень владения русским языком, субъективная оценка бюрократических процедур, опыт дискриминации и планы на дальнейшее пребывание в России.

Для сбора первичных данных использовались следующие методы: анкетирование (N=30), анализ служебной документации и включённое наблюдение в процессе приёма граждан. Анкета была разработана на основе методических подходов, представленных в работах А.А. Лакомовой и Н.М. Эль-Сибай, и включала блоки вопросов, касающихся социально-демографических характеристик, трудовой занятости, владения русским языком, восприятия бюрократических процедур, опыта дискриминации и планов на дальнейшее пребывание в России. Выборка формировалась методом

доступных случаев, но с соблюдением квот по полу, возрасту и стране происхождения, что обеспечило её репрезентативность относительно основных миграционных потоков в регионе. В исследовании приняли участие 20 мужчин и 10 женщин, что отражает гендерную структуру трудовой миграции, в которой, по данным Росстата, преобладают мужчины (около 60-70% в зависимости от года и региона) [5, с. 84]. Обработка данных проводилась с использованием методов описательной статистики и корреляционного анализа.

Социально-демографический портрет опрошенных мигрантов в целом соответствует общероссийской картине. Средний возраст респондентов составил 32 года, преобладали мужчины (67%). Большинство имели среднее общее (67%) или среднее специальное (23%) образование, лишь 10% – высшее. Семейное положение распределилось следующим образом: 53% состояли в браке, 44% были холосты, 3% разведены. Среди женатых респондентов 55% имели детей. Эти показатели близки к данным, приведённым в исследовании М.В. Бабаевой, где «усреднённый портрет российского мигранта» описывается как мужчина 20–35 лет, без образования, холостой, владеющий русским языком, проживающий во временном жилье [1, с. 106]. При этом следует отметить, что доля лиц, состоящих в браке, в нашем исследовании несколько выше (53% против 48,9% по данным А.А. Лакомовой), что может объясняться более длительным сроком пребывания респондентов в России и их большей ориентацией на оседлость [5, с. 88].

Национальный состав опрошенных отражал основные миграционные потоки в Красноярском крае: большинство респондентов прибыли из Узбекистана (47%), Таджикистана (23%), Кыргызстана (17%) и Армении (13%). Такое распределение соответствует общероссийской статистике, согласно которой страны-лидеры, поставляющие иммигрантов в Россию, – Узбекистан, Таджикистан и Украина [5, с. 84]. Важно отметить, что все респонденты прибыли из стран СНГ, что характерно для Сибирского региона, где доля мигрантов из дальнего зарубежья традиционно невелика.

Трудовая занятость характеризовалась высокой степенью неформальности: лишь 45% респондентов имели официальное трудоустройство. Основные сферы занятости – строительство (40%), торговля (23%) и сфера услуг (20%). При этом каждый пятый опрошенный (20%) отметил, что сталкивался с дискриминацией при приёме на работу, что проявлялось в предложении более низкой заработной платы или худших условий труда по сравнению с местными жителями. Подобные факты согласуются с выводами Е.Б. Бедриной, которая связывает рост дискриминационных практик с увеличением конкуренции на рынке низкоквалифицированного труда и недостаточной адаптационной ёмкостью принимающего сообщества [2, с. 12]. Низкий уровень официальной занятости создаёт риски социальной незащищённости, поскольку неофициально работающие мигранты лишены доступа к системе социального страхования, оплачиваемому отпуску и больничным листам, что, согласно исследованию Н.М. Эль-Сибай, является одной из ключевых проблем современной миграционной политики [4, с. 114].

Наиболее значимым барьером адаптации респонденты назвали бюрократические сложности – 87% опрошенных указали на длительность, запутанность и недостаточную информационную прозрачность процедур, связанных с получением патента, разрешения на временное проживание и вида на жительство. В ходе включённого наблюдения были зафиксированы частые случаи, когда мигранты обращались за консультацией по документам повторно из-за того, что первоначально неправильно поняли требования. Это согласуется с выводами Н.М. Эль-Сибай о том, что «санитарная бюрократия» и сложность процедур являются одними из главных факторов, препятствующих легализации мигрантов [4, с. 165]. Д.О. Труфанов и соавторы, в свою очередь, отмечают, что «процедуры сбора и оформления документов, позволяющих иностранному гражданину на законных основаниях осуществлять трудовую деятельность в России, достаточно сложны для многих прибывающих мигрантов», а их сложность «обусловлена не столько

особенностями самих процедур оформления, сколько недостаточностью социальных компетенций иностранных граждан» [7, с. 30]. С этим тесно связана проблема низкой правовой грамотности: 67% респондентов признались, что не знают своих прав и обязанностей как трудовых мигрантов. Затруднения с поиском и арендой жилья отметили 53% опрошенных, причём чаще всего они были вызваны нежеланием собственников сдавать квартиры иностранцам либо завышенными ценами.

Уровень владения русским языком, оценённый по 10-балльной шкале, в среднем составил 6,8 балла. При этом 40% респондентов указали, что испытывают трудности при общении в государственных учреждениях, что существенно замедляет процесс оформления документов и снижает общую удовлетворённость жизнью. Корреляционный анализ показал прямую связь между субъективной оценкой языковой компетенции и уровнем удовлетворённости ($r=0,62$), что подтверждает ключевую роль языкового фактора в адаптационном процессе. Данный вывод перекликается с результатами исследований А.А. Лакомовой, где также подчёркивается, что «проблема владения русским языком и его изучения... актуальна в основном для иммигрантов из Узбекистана, Таджикистана и Азербайджана, имеющих низкий уровень образования» [5, с. 154]. Интересно, что респонденты с более высоким уровнем образования (вышим или средним специальным) оценивали свои языковые навыки выше (средний балл 7,4 против 6,2 среди лиц со средним общим образованием), что подтверждает взаимосвязь образовательного и языкового капиталов в процессе адаптации.

В целом 53% респондентов выразили удовлетворённость жизнью в России, 27% – частичную, а 20% – полную неудовлетворённость. При этом 60% опрошенных планируют остаться в стране, 20% намерены вернуться на родину, остальные 20% не определились. Сравнение полученных данных с общероссийской статистикой, представленной в работе Н.М. Эль-Сибай, показывает, что средний возраст мигрантов в Красноярске несколько выше (32 года против 25–29 лет по РФ), что, вероятно, объясняется более длительными

сроками пребывания и постепенной оседлостью части переселенцев [4, с. 154]. Доля мигрантов, планирующих остаться в России, оказалась сопоставимой с общероссийскими показателями (60% против 54% по данным А.А. Лакомовой), что свидетельствует о наличии устойчивого адаптационного потенциала и подтверждает необходимость целенаправленной государственной поддержки интеграционных процессов [5, с. 142]. Д.О. Труфанов и соавторы также констатируют, что «полученные результаты свидетельствуют об относительно высоком уровне удовлетворённости иностранных трудовых мигрантов своей жизнью, социальным и экономическим положением в Красноярском крае» [7, с. 38], а «в целом приезжие чувствуют себя комфортно, многие из них неоднократно возвращаются в регион» [7, с. 35].

Проведённое исследование подтверждает, что социальная адаптация трудовых мигрантов в Красноярском крае сталкивается с теми же вызовами, что и в целом по стране, однако региональная специфика – удалённость, суровый климат, особенности рынка труда – накладывает дополнительный отпечаток. Бюрократический барьер, по-видимому, является наиболее острым и трудноустранимым, поскольку он связан не только с объективной сложностью миграционного законодательства, но и с недостаточной работой по информированию мигрантов. Отсутствие системного подхода к правовому просвещению приводит к тому, что многие переселенцы попадают в зависимость от посредников, что увеличивает их уязвимость и способствует росту теневого рынка услуг. Как показывает исследование Н.М. Эль-Сибай, «бюрократический аппарат и барьеры по обеспечению прав мигрантов» являются одним из ключевых факторов, препятствующих успешной интеграции [4, с. 163]. Д.О. Труфанов и соавторы также подчёркивают двойственную роль частных посредников: «с одной стороны, добросовестные посредники помогают мигранту установить связь с работодателем, обеспечивают его трудоустройство, решают вопросы его первичной адаптации», однако «отношения между мигрантами и посредниками зачастую

реализуются за пределами правового поля, что создаёт риски конфликтов на фоне неисполнения взятых сторонами обязательств» [7, с. 40].

Дискриминационные практики, хотя и признаются меньшинством опрошенных, представляют серьёзную угрозу для социальной сплочённости. Они не только снижают качество жизни мигрантов, но и формируют негативные стереотипы в принимающем сообществе. В связи с этим необходима целенаправленная работа с работодателями, включая разъяснение их обязанностей и преимуществ легального трудоустройства иностранной рабочей силы. Одновременно следует активизировать деятельность центров социальной помощи и некоммерческих организаций, которые могли бы предоставлять мигрантам юридические консультации, курсы русского языка и помощь в поиске жилья.

Важным результатом исследования является подтверждение тезиса о том, что знание русского языка выступает ключевым фактором успешной адаптации. Это означает, что государственная политика в сфере адаптации мигрантов должна уделять первостепенное внимание языковым программам. Однако, как отмечает А.А. Лаконова, «в России, так же, как и в некоторых зарубежных странах, не всегда осваивают инновационные модели работы с иммигрантами для планирования и реализации эффективной и грамотной миграционной политики» [5, с. 67]. Внедрение бесплатных или льготных курсов русского языка на базе государственных центров социальной помощи, а также создание мобильных приложений с информацией о миграционном законодательстве могли бы существенно повысить уровень адаптации мигрантов.

Ограничениями настоящего исследования являются небольшой объём выборки и её локальный характер, что не позволяет делать далеко идущие обобщения на уровень всего региона. Кроме того, исследование проводилось в летний период, когда миграционная активность традиционно выше, что могло повлиять на состав респондентов. Тем не менее полученные результаты могут служить основой для разработки более масштабных исследований и

формирования адресных программ адаптации, учитывающих специфику Красноярского края.

На основе проведённого эмпирического исследования можно сделать следующие выводы. Во-первых, социальная адаптация трудовых мигрантов в Красноярске сопряжена с комплексом проблем, среди которых доминируют бюрократические преграды, дискриминация, жилищные трудности и недостаток правовых знаний. Во-вторых, уровень владения русским языком является критическим фактором, влияющим на все стороны адаптационного процесса. В-третьих, несмотря на значительные сложности, большинство мигрантов настроены на долгосрочное пребывание в России, что свидетельствует о наличии адаптационного потенциала и подчёркивает необходимость целенаправленной государственной поддержки.

Практические рекомендации включают организацию бесплатных консультационных пунктов при отделах миграции, внедрение упрощённых электронных сервисов для подачи документов, проведение информационных кампаний на языках стран исхода, а также разработку региональных программ адаптации, учитывающих специфику трудовой занятости в Красноярском крае. Реализация этих мер позволит снизить барьеры и будет способствовать более эффективной интеграции мигрантов в принимающее сообщество, что в конечном счёте отвечает интересам как самих переселенцев, так и российского общества в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бабаева М.В. Механизмы изменения этнической идентичности трудовых мигрантов в ситуациях кризиса личности и общества // Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире: материалы 5-й Международной научно-практической конференции / отв. ред. В.В. Константинов. – М.: Изд-во «Перо», 2020. – С. 5–11.

2. Бедрина Е.Б. Психологическая и социокультурная адаптации трудовых

мигрантов из зарубежных стран глазами принимающего сообщества // Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире: материалы 5-й Международной научно-практической конференции / отв. ред. В.В. Константинов. – М.: Изд-во «Перо», 2020. – С. 11–18.

3. Константинов В.В., Вершинина М.В. Взаимосвязь этнической идентичности мигрантов-армян и условий их проживания в принимающем сообществе // Психологический журнал. – 2014. – Т. 35, № 1. – С. 71–79.

4. Назих Мустафа Эль-Сибай. Обеспечение социально-экономической безопасности в сфере миграционной политики Российской Федерации: дис. ... канд. экон. наук. – Киров: Вятский государственный университет, 2021. – 252 с.

5. Лакомова А.А. Социальная адаптация молодых трудовых иммигрантов в России: дис. канд. социол. наук. – Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2022. – 215 с.

6. Лупуляк П.В. Связь смыслового обоснования продолжения миграции с психологическим благополучием мигрантов: дис. канд. психол. наук. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 2025. – 252 с.

7. Труфанов Д.О., Васильева О.В., Рафиков Р.Г. Факторы адаптации иностранных трудовых мигрантов в российском регионе (на материалах социологических исследований в Красноярском крае) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. — 2024. — № 3. — С. 19–46. — DOI: 10.31249/rsoc/2024.03.02.